

женный же святыи Селивестр седм дний пост царевн держати повелев и заповеди и милостыня творити проповедав. Благословивый сотворивый оглашена, отыде от него¹

Селивестр божественных апостол образы своему диакону повеле принести. Узрев же их царь на иконах и позна и пред своими князьми и велможамн исповеда и начат вопити и глаголати: воистину сих в видении узрих, ти мне глаголаста: послн ко епископу Селивестру, той ти покажет купель спасения. И паде пред ногама епископу. Блаженный же Селивестр воздвиг его и поучив от божественных писаний и заповеда ему поста прияти седмь дней и во едином вретнн одеяну быти и милостыню творити повели и благословив его, сотвори оглашена и отойде.²

полате, именуемой Латерана, да да все, яже...³

Далее в Псевдоконстантиновой грамоте следует отрывок, целиком включенный во вторую пространную редакцию, после которого идет эпизод крещения.

Совершенно очевидно, что автор Повести, сочиняя этот эпизод, имел перед собой и Житие и Грамоту. В обоих этих источниках одни и те же события изложены одинаково кратко, сухо и бесцветно, с протокольной фиксацией отдельных мелких подробностей и речей действующих лиц. Автор Повести изложил этот эпизод более подробно и красочно, сочным и понятным языком, но использовал некоторые детали, а также речи действующих лиц как из Жития, так и из Грамоты. Получилось так, что этот эпизод, с одной стороны, заимствован, а с другой — является оригинальным творчеством автора Повести. О поисках Сильвестра в Житии ничего не говорится, а в Грамоте только упоминается. Составителю Повести пришлось целиком сочинить первую часть разбираемого эпизода, так как этого требовала стройность и логичность изложения всего произведения: читателю известно, что Сильвестр скрывается в горах и „призвать“ его просто нельзя, а требуется „взыскание велие“, чтобы найти его и привести к царю. Встреча Сильвестра с царем и их взаимные приветствия полностью взяты из Жития, так как в Грамоте их нет. В рассказе царя о своем сновидении автор Повести объединил элементы из Жития (собственно рассказ) и Грамоты (вопрос о том, что за „боги“ Петр и Павел), и получился стройный, законченный диалог: царь рассказывает, спрашивает, получает обстоятельный ответ на свой вопрос и просит показать ему изображения апостолов. Сцена показа икон апостолов описана также в обоих источниках, но в Житии слишком витиевато, а в Грамоте — слишком кратко. Автор Повести вкладывает в уста Константина фразу собственного сочинения, удачно гармонирующую с общей динамичностью этого момента, подчеркнутой в обоих источниках (увидев иконы, царь „нача вопити и глаголати“). Наконец, заключительное поучение Сильвестра автор Повести берет из Жития, лишь несколько расширив его.

¹ Рукопись, лл. 456 об.—457.

² Там же, лл. 4 об.—5.

³ Византийский современник, стр. 67—68.